

Валентин РЕЗНИК родился в 1938 году на станции Няндомо Архангельской области (в системе Каргопольлага). В 1943 году в Карлаге умерла его мать Полина Григорьевна Резник. В Москве проживает с 1947 года. С 14 лет до выхода на пенсию работал слесарем. Пишет стихи с 19 лет. Долгое время занимался в литобъединении при заводе им. Лихачева.

Член Союза писателей Москвы. Автор четырех сборников стихов: «Возраст» (1982), «Бездорожье» (1998), «Стрелочник (2007), «Будни бытия» (2013).

Печатался в «Литературной газете», «Комсомольской правде», «Московском комсомольце», газете «Труд», в «Независимой газете», в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Юность», «Сельская молодежь», «Кольцо А», в альманахах «Поэзия» и «День поэзии».

РОДИНЕ

Посвящается Татьяне Кузовлевой

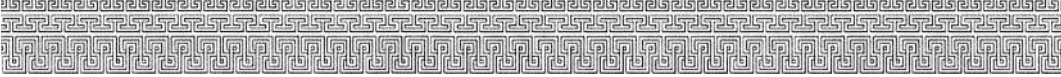
1

Не меняя название
Твоих бед и обид.
Ты — моё наказанье,
Мой растерянный вид.
Обречённый на муки
Жить с тобою в любви,
Я лижу тебе руки,
Что по локоть в крови.

2

Ты наломала столько дров,
Моя опора и защита...
Я не желаю, чтобы вновь
Всё оставалось шито-крыто,

Чтоб твой загадочный архив
Хранил бессрочно тайны века,
Твою судьбу похоронив
В глухих подвалах и отсеках,
Чтобы, себе наперекор
Ещё не раз давала маху,
Не видела б себя в упор
По дурусти или со страху,
Чтоб, изнурённая мольбой,
Себя борьбою истязала
И, как с протянутой рукой,
С протянутой душой стояла.

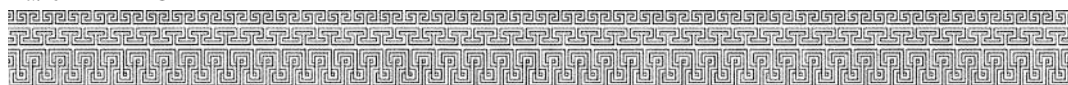
3

Жизнь отбивая где придётся
По милости добра и зла,
Зачем, рождённый инородцем,
Кормился с твоего стола?
Твоим напитывался духом,
И восхищаясь, и хуля...
Но коль земля мне будет пухом,
Так пусть уж русская земля.

* * *

Жизнь моя спонтанная,
Где грехов не счесть.
Улица Ростанная
В Петрограде есть.
Я случайно с Лиговки
На неё свернул
И, как после выпивки,
Взял да и уснул —
В тополином дворике,
Где вороний гвалт,
Где друзья-соколики
Под весёлый мат

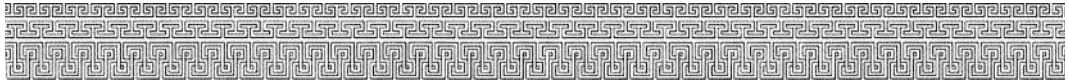

Забивают, в сущности,
Вечного «козла»,
Позабыв о скудости
Духа и стола...
Сколько спал? — Не помнится.
Час, а может, пять,
Лютая бессонница
Отступила вспять.
Отдала позиции
Взятые с трудом,
Ах, как сладко спится мне
В месте проходном,
В городе — где ренессанс
Шпилей и колонн,
И который, в целом, сам
Весь, как явный сон.

* * *

Я не был нерукопожатным,
Поскольку был до фени всем,
И тем, что чем-то был запятнан,
И незапятнанным ничем,
В автоматическом режиме
Я коротал свою судьбу
При сногшибательном режиме,
Что чудом вылетел в трубу.
Ходило ходуном сознание,
Ломало душу от тоски,
Когда пускались в православье
Отпетые большевики.
И, стройные ряды покинув,
Чтоб только быть у пирога, —
Ленкомсомольские богини
Лепили из меня врага.
А гласность всех подряд косила,
Картошкой молодой цвела,

И, может быть, одна Россия
Рукопожатною была.

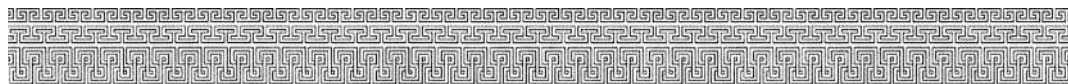
* * *

Вот производственных романов
Давно я что-то не читал.
Производить их стало странно,
Не модно, я бы так сказал.
Как будто выжили из жизни
И токарей, и слесарей,
Всех тех, кто при социализме
Был рупором его идей.
В колхозы ездил и дружинил,
На демонстрации ходил,
Над продовольственной корзиной
Трудился изо всяких сил.
И взбрыкивал, и слыл покорным,
Не равнодушным был к вину,
И величался гегемоном,
Что на плаву держал страну.
И вместе с нею был опущен,
Своей элитности лишён.
И перестав вперёд идущим,
Был в быдло-класс переведён.

* * *

Я тот, кто Христа на Голгофу загнал,
Кто спаивал русский народ,
Кто в Ленина и Николая стрелял.
А может быть, наоборот?
Чьи кости валяются в Бабьих Ярах,
И кто называется жид,
И в чьих, чуть навывате, грустных глазах
Страх тысячелетий дрожит.
И даже когда всё в порядке, увы,
Спокойным я быть не могу

Затем, что меня ненавидите вы,
За то, что у вас я в долгу,
За то, что моя неизбывна вина,
И нету прощения мне,
За то, что обжитая вами страна
Живёт постоянно в дерьме.

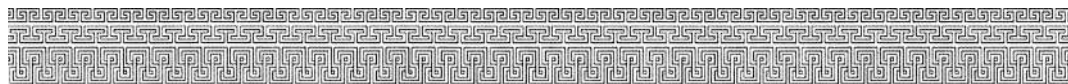
* * *

Ставили на Ленина —
Сталиным горя!
Всё остоебенило,
Честно говоря.
От Хруща до Ельцина,
Коим нет числа,
Всех спустить бы с лестницы,
Что наверх вела.
Ни к селу, ни к городу —
Мёртвых и живых,
Мы на свою голову
Формируем их.
Превращаем в гениев,
Прикусив язык.
И с не меньшим рвением
Обращаем в пшик.
2000 г.

САВОНАРОЛА

Да будет проклят Савонарола,
Обсевок вражий!
Насквозь воинствующего балабола
Тюрьмой накажем.
Прочистим дыбой мозги монашку,
В костёр заложим.
Таким при жизни давать поблажку —
Себе дороже.

Но посылая пророка в пламя,
Клеймя сурово,
Спустя столетья вздохнём
Высоким словом.
И над кричащей его страницей,
Забвеньё скомкав,
Не раз, быть может, слеза скатится
Из глаз потомков.

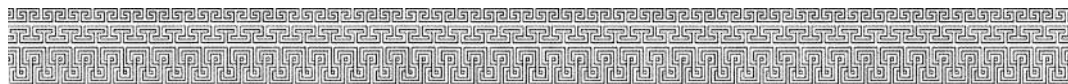
* * *

Стоит только закрыть глаза,
Приступить к исполнению сна,
Как тотчас же сдают тормоза,
И врывается в сон война.
Полыхает, гремит, ревёт,
И является, как наяву,
Перекошенный злобой рот
У солдата в окопном рву.
И с восторженным страхом в груди
От земли отрывается он,
Видя бегло, как впереди
На погибель идёт батальон.
Видит всех он до одного,
Даже тех, кто не может встать...
Тут жена толкает его:
— Ты чего разорался опять.

* * *

Когда бы знать, когда бы ведать
И сильным задним быть умом,
Но поздних сожалений ветошь
Горит спасительным огнём.
И слава Богу! Что канючить,
В предположеньях увязать,
Да здравствует несчастный случай,

Дающий право всё начать
С нуля, с таёжной развалюхи,
А также с чистого листа!
И пусть опять плодятся слухи
Там, где вступает в жизнь мечта.
И снова пусть идёт всё прахом,
Всё под откос и псу под хвост.
Ведь кто-то должен рвать рубаху,
Встав пред бедою в полный рост.

МОНОЛОГ ОРТОДОКСА

*Навеки умолкли весёлые хлопцы...
Как сына вели на расстрел...
Яков Шведов*

Простите нас, хлопцы весёлые,
За то, что мы предали вас.
За то, что опять новосёлами
Буржуйский становится класс.
Простите нас, Ленин и Сталин,
Нагульный и Коган, прости
За то, что мы быть перестали
Кем были в начале пути.
За то, что опять соблазнились
Дешёвкой на новом витке
И с ельцинской шушерой слились,
На их лопоча языке.
За то, что нам не за что биться
И жалок наш личный удел,
За то, что в пределах столицы
Нас не поведут на расстрел.

* * *

Кажется, что всё проходит,
Но и в то же время нет.
Что-то после происходит

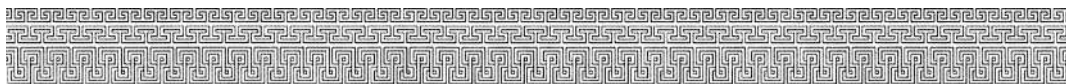
Когдаходим мы на нет.
Вдруг, спустя десятилетия
Или менее того,
Кто-то дарит нам бессмертье,
Не согласовав его
Ни с прижизненной хулою,
Ни с лукавою хвалой, —
С нашей проходной строкою
Носится он день-деньской.
И завидует безмерно
Нашей путаной судьбе,
И желает откровенно
Той же участи себе.

1984 г.

* * *

Вяз на улице Воровского,
Снова ставшей Поварской, —
Я им был, как будто «Оскаром»,
Награждён судьбой самой.
Шумно я его приветствовал
Каждый раз, входя во двор,
В том углу, где он главенствовал,
Свой расположив шатёр.
Был он просто частью юности,
Частью детства моего,
И, конечно же, по дурости
Мало я ценил его.
А теперь, когда случается
Мимо проходить порой...
О! как сердце обрывается
В унисон с его листвою.

* * *

Мечусь, тоскою меченый,
Затурканный в толпе.
Мне делать больше нечего,
Как думать о тебе.
В каком бы состоянии
Ты ни была порой —
Готов на всё заранее,
Лишь только быть с тобой.
На рынок или к дочери,
Иль к чёрту на рога.
Мне быть с тобою хочется
На миг и на века.
Кому-то улыбаешься,
Являешься во сне,
А вот не приедаешься,
Пожалуй, только мне.

2006 г.

* * *

Может быть, как-нибудь дотащат,
На руках до могилы допрут —
Кумачом отороченный ящик,
Содержащий залеченный труп.
Что являлось субстанцией грешной,
Где приют находила душа,
Забросают землёю поспешно
И пойдут, кто куда, не спеша.
И останется в памяти зыбкой,
Хоть уверен я в том не вполне,
Смутный образ с печальной улыбкой,
Отношенье имевший к стране,
Что была его счастьем и горем,
Погружалась и в свет, и во тьму,
Что из сердца его вырвать с корнем
Так и не удалось никому.

ПУШКИН

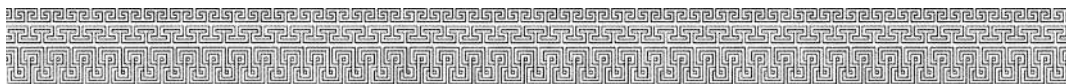
Не переубедить эпоху
И не переменить её,
Хоть от неё, не слава богу,
Твоё зависит бытиё.
И что тебе похвал рулады,
И лесть врагов, и месть друзей,
Когда ты так неважно ладишь
С эпохой именной своей.
Когда обязан ей в угоду
Кромсать свои беловики,
Когда всё чаще год от году
Тебя в различную погоду
Терзают приступы тоски.
И близится уже минута,
Когда, затравленный молвой,
Ты выберешь себе цикуту —
Лепажный выстрел роковой.

* * *

Мне припомнился вдруг
Ветхий домик окраинный,
Вечер цвета окалины
И подвыпивший друг.
Просто так, беспричинно,
Ни с того ни с сего,
Словно в фильме старинном,
Я увидел его.
Вот он чуть улыбнулся,
«Беломор» закурил,
За вином потянулся,
По стаканам разлил,
Что-то буркнул мгновенно,
Воздух выдохнул ртом
И пропал... убиенный
В Будапеште потом.

1961 г.

* * *

Во имя отца или сына,
Во имя кого-то ещё,
Ты гнул свою душу и спину
И не подавал на расчёт.
Ты делал, что время велело,
Не слишком вникая в слова,
Своё незаметное дело
И не помышлял о правах.
Не веря ни в бога, ни в чёрта,
Стакан залудивши до дна,
Закусывал килечным сортом
В надежде приятного сна,
Чтоб в нём, хоть на миг, убедиться,
Что дело твоё — «не табак»,
Что, будучи стреляной птицей,
Ещё ты возьмёшь свой рейхстаг.

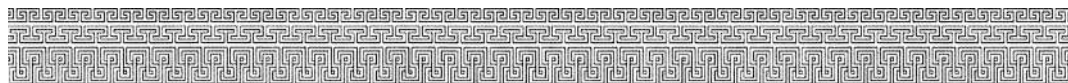
СЕРГЕЮ МНАЦАКАНЯНУ

О, сколько тех, кто был двадцатым веком,
Как написал о них Мнацаканян,
Который очевидцем был при этом
И посвятил им свой «Ретро-роман».
Печальное и жёсткое творенье,
Пронизанное болью за друзей,
Что напивались до умопомраченья
Под градусом возвышенных идей,
Что знали цену подлости и чести,
Химичили, вставали на дыбы
И уходили со страной вместе
Под гнётом ей навязанной судьбы.

ТАТЬЯНЕ КУЗОВЛЕВОЙ

Печатай его, девочка, печатай,
Хотя навряд ли стоит он того,

Поскольку слишком много уж печали
В «нетленках» сочинения его.
И с формой далеко не всё в порядке,
И с грамотою тоже не ахти!
Но всё же ты листай его тетрадки
И путное в них что-то находи.
И пребывай в сознании упёртом,
Что он достигнет творческих высот
И явится к тебе однажды с тортом,
Который тут же в честь тебя умнёт.
2008 г.

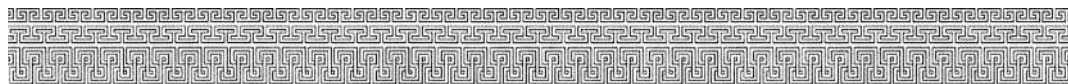
* * *

Завершился бы жизненный бал
Менуэтом старинным!
Слишком долго я в жизни молчал
По различным причинам.
Никого не дано воскресить, Ничего переделать,
И не тянет ни мстить, ни любить,
Как когда-то хотелось.
Только лютая жажда одна
Всё поведать до точки,
А потом — пусть родная страна
Забывает сыночка.
1989 г.

* * *

Ты мог бы удобней
Свой век коротать,
Пореже ладони
В кулак собирать,
Спать крепче ночами,
Поменьше курить
И общих с врагами
Язык находить,

Почаще сухим
Выходить из воды...
Ты мог быть другим.
Мог. Но только не ты.

* * *

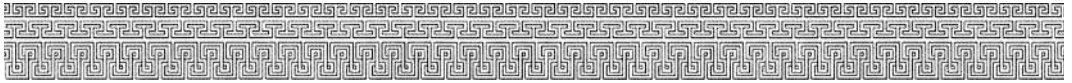
Передай по цепочке,
Ну а там — как пойдёт,
Что доходит до точки
Мой несносный народ.
То смиренный, то гордый,
Нищий из богачей,
Сочиняющий оды
В честь своих палачей.
Деловой и растяпа.
Видный всем за версту.
С не исторгнутым кляпом
Лжи и правды во рту.

* * *

Г. Р.

А что вы на него набросились?
Чем вновь он вам не угодил?
Тем, что цыплят считал по осени
Иль нечто спьяну городил?
Тем, что не очень-то старательно
Монтировал свою судьбу,
Ну и при этом обязательно,
Случалось, вылетал в трубу?
В тепле или насквозь промёрзшие,
В беде или снискав успех,
Плохие вы или хорошие —
Он всё равно вас любит всех.

* * *

Почитай мне что-нибудь из старого,
Что-то из литературы той,
Где ещё ни слова нет про Сталина
И на троне Александр II.
Не питаю слабости к правителям,
Мне что царь, а что генсек какой,
Но один-то был освободителем
И поработителем другой.
Впрочем, вся история под пломбою,
Тут ломает ногу и Карлейль.
Только первый был низложен бомбою,
А второй положен в мавзолей.

1992 г.

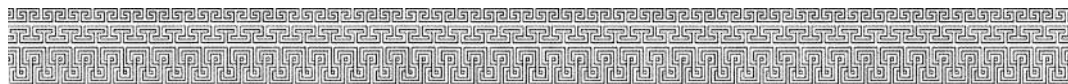
* * *

Ну а что мне, скажите, до жизни
Той, что будет уже без меня?
Я и в этой-то был чаще лишний,
Чуть ли не до последнего дня.
Кем я только себе не казался,
Под кого только я не косил!
Даже и сиротою казанской
На казанском вокзале служил.
Но кого б из себя я ни корчил,
Как судьбы ни петляла бы нить,
Я бы только на вас, Януш Корчак,
В этом мире хотел походить.

* * *

Хотя мне не так уж и плохо
Живётся по нынешним дням,
Я с той ещё связан эпохой,
Присутствую всё ещё там,

Где страсти мои и мордасти
Военно-детдомовских дней,
Где я под опекою власти
Не знал ещё слова «еврей»,
Где вдруг, просыпаясь ночами,
Безумно рыдал в темноту
И где на меня не кричали —
Жалели, видать, сироту.

* * *

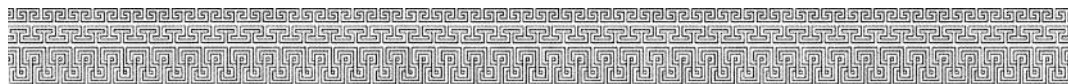
Кому и чего ты докажешь?
Кого ты и в чём убедишь,
Когда своё горе расскажешь
И душу на миг облегчишь?
Чужого сочувствия ради,
Ты будешь цитировать вдруг,
Всё то, что заветной тетради
Ночами поведывал вслух.
Всё то, что тебя возвышало
В твоих ироничных глазах.
И не уповало на жалость,
И не обрекало на страх.

1979 г.

* * *

Не упиваться выпавшей бедой,
Не убиваться шумно и открыто...
Есть мужество не раскисать душой,
Оставшись у разбитого корыта.
Не строя из себя весельчака,
За балагурством горечи не пряча,
Есть мужество стоять наверняка
На том, на чём постигла неудача.

И, ни вершка судьбы не уступив,
Без позы благородства и геройства,
Насвистывать вполголоса мотив
Весьма оптимистического свойства.

* * *

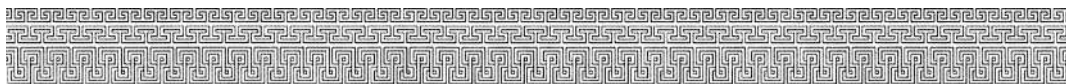
Уступайте места людям пожилого возраста...

Ни наяву и ни во сне,
В каком бы возрасте я ни был,
Не уступайте места мне
Высоким чувствам на потребу!
Глаза не опускайте ниц
Под гнётом нравственного теста,
Не отрывайте ягодиц
От занимаемого места.
Не бог уж весть, что за беда
И, в сущности, какая малость,
Поскольку краскою стыда
Ваше лицо не покрывалось.

* * *

Родину любить на расстоянье,
Сокрушаться от неё вдали
О её плачевном состоянье
Нынче что-то многие смогли.
Ладно бы кого она травила,
Гнобила, сплавляла за кордон,
Ну, а тех, кому себя вручила,
Ради них всё ставила на кон.
Тех, кто старшим братом назывался,
Мельтешил и в профиль, и анфас,
А в конечном счёте оказался
Там, где и находится сейчас.

* * *

В кругу застарелых болезней,
Одною ногою в гробу,
Живёшь безо всяких претензий,
Верней, доживаешь судьбу.
Не очень тоскуешь о прошлом,
Грядущим не слишком томясь,
И в мире, по-прежнему сложном,
Судить никого не берясь.
К чему там куда-то соваться,
Кому-то вставать поперёк,
Когда и с собой разобраться
Ты так до конца и не смог.

2008 г.

* * *

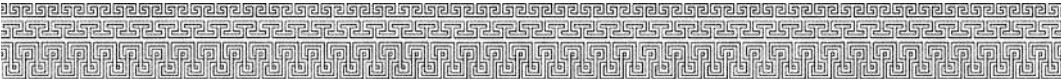
В суете, в суматохе, в раздрае
Всё заметней с эпохой разлад,
И блаженные мысли о рае
Нынче мало что мне говорят.
Где они, эти самые кущи,
Дивный сад под названьем «Эдем»?
Я, и с горя, и с радости пьющий,
Не входил в его сферу совсем.
Был подвержен сиротскому дому,
Сочинял, главным образом, в стол.
Ведал ад, знал Фому и Ерёму,
А вот рай как-то мимо прошёл.

1992 г.

* * *

Пусть не всегда на высоте мы были
И слишком низко падали порой,

Но всё-таки навряд ли заслужили
Напасти в виде третьей мировой.
Погрязшие в грехах и в искушеньях,
Терзаясь от навязанной любви,
С момента своего возникновенья
Мы, как могли, старались быть людьми.
Быть может, и не очень получалось,
И все усилия шли коту под хвост,
Но пусть за нас свидетельствует старость,
Не пущенная нами под откос.

2004 г.

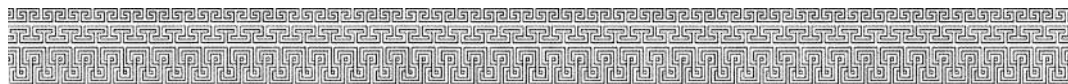
КАРГОПОЛЮ

Я соберусь к тебе когда-нибудь,
Явлюсь с повинной головой,
Как по особому заданию
Внушённому самой душой.
Январским днём, июльской ночью ли,
Ну, сколько можно вспоминать
То, что давно пора воочию
Сквозь слёзы молча наблюдать.
Смотреть, не экономя зрения
И отрешившись от всего,
На захолустные строения
Столицы детства своего.

* * *

Воля ваша, а я буду каяться,
Пеплом голову вслух посыпать,
За народ, что становится пьяницей
И не бросит никак воровать.
За его пожелания куцые,
За большое терпенье его,
И за то, что из всех революций
Не извлёк он почти ничего.

За привычку идти на заклатие,
Торопиться покладистым стать,
И такие сносить испытания,
Что умом невозможно понять.

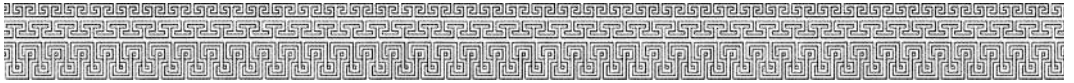
* * *

А мой сосед сменил гражданство
И в оправдание сего
Поступка гнобил государство,
Во всём и вся вина его.
Не додала, не доглядела,
Суму сулила и тюрьму...
А мне лишь одного хотелось:
Анфас перекроить ему.
Но, соблюдая толерантность,
Греха я на душу не брал
И, демонстрируя галантность,
Ему два пальца подавал.

* * *

Приди к Соловецкому камню
И скорбным молчаньем почти
Всех тех, кто трагически канул
Во время земного пути,
Кто притчею стал во языцех,
Клеймённый позорным клеймом,
Застигнутый быть очевидцем
Насквозь вероломных времён.
Пусть даже себе в наказанье,
Не зная, что ждёт впереди,
На это святое свиданье
Хотя бы однажды приди.

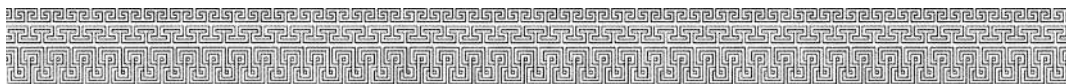
* * *

Бог не выдал,
И свинья не съела,
И судьба
Не оборвалась вдруг,
И недуг
Не искорёжил тело,
И душа
Не испустила дух.
И за то, что
Праведною верой,
Как мальчишка
Был ты одержим,
И тебе досталось
Полной мерой,
И ничуть не меньше,
Чем другим.

* * *

Природа
Не выносит суесловья,
Как, верно, мы
Осточертели ей
С восторженной своей
Святой любовью,
Оправленную
В ямб или хорей!
О сколько раз
С благоговейным видом
Мы приходили к ней
В зелёный дом,
А после
Изводили динамитом,
Крушили топором
И жгли огнём...

* * *

А тебе уже мало что надо
От друзей, от семьи и от книг,
Остаётся одна лишь отрада:
Созерцать этот мир каждый миг.
Страх за жизнь, уходящую прочь,
За страну, что сползает в пучину,
И никто ей не в силах помочь.

* * *

Наорались, наразоблачались,
Вывернули память до конца,
И ни с чем, как водится, остались,
Искорёжив души и сердца.
Только горечь, ненависть и зависть
Правят бал во всей своей красе.
А какими яркими казались
Дни, когда неистовствовали все!

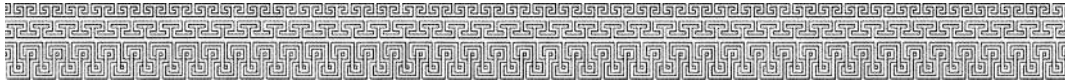
* * *

Привилегия старости —
Никуда не спешить
И выслушивать гадости
Начинающих жить,
Не бояться нисколечко
Ни друзей, ни врагов,
Становясь потихонечку
Частью трав и цветов.

* * *

Ты вынимала душу из меня
И на чём свет стоит меня костила.
Твоя бескомпромиссная родня
Не очень-то ко мне благоволила.

И кто бы мог тогда предполагать,
Что твёрдою окажется порода,
И мы с тобою вместе сорок пять
Лет проживём под топором развода.

* * *

О, эта сталинская тема,
Что расколола всю страну
На два враждующих тандема —
На кровожадность и вину!
И где тут истине пробиться,
Пускай и через «не могу»?
Ведь в «мокром деле» всё годится,
Чтоб только насолить врагу.

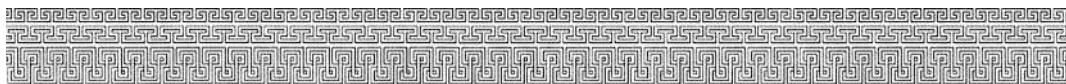
* * *

Я выпью за твоё здоровье,
А больше не за что мне пить.
За то, что беглою любовью
Был обречён тебя любить,
За то, что, душу не унизив,
Давал полцарства за коня,
За то, что ты ещё при жизни
Забыла начисто меня.

* * *

Не помышляю о фиге в кармане
Или о более чём-то крутом,
Только бы с книгой лежать на диване,
Только б за письменным гнутья столom.
Кончилось время халявных тусовок,
Верных, в кавычках, до гроба друзей,
И остаётся одно только Слово,
Прежде чем станешь ты тенью своей.

* * *

Не вам меня учить,
Ни мне у вас учиться,
И остаётся жить
И опытом делиться
Какой там ни на есть...
Но стоит ли пытаться?
Не мне к вам в душу лезть,
Не вам в моей копать.

* * *

Так и не воздали по заслугам
Самозванцам и временщикам,
Что отчизну загоняли в угол,
Били и вязали по рукам.
И на том кощунственном погосте,
Под присмотром траурной стены —
Мавзолей стоит подобно кости
В самом горле табельной страны.

* * *

Ты зациклен на этой теме.
Ты сидишь на ней, как на игле,
Ты навеки остался с теми,
Кто лежит в бабье-ярской земле,
Кто в освенцимском небе развеян,
Переделанный в пепел и дым
Лишь затем, что рождён был евреем
В назидание всем остальным.